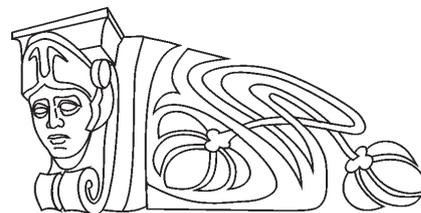

Научная статья

УДК 821.161.1.09-2+929Арцыбашев

Полемика саратовской общественности вокруг пьесы М. П. Арцыбашева «Ревность»

Ю. С. Ромайкина

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77

Ромайкина Юлия Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Медиакоммуникации», orel-55555@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0086-7993>

Аннотация. На материале газет «Саратовский листок» и «Саратовский вестник» анализируется полемика саратовской общественности вокруг провокационной драмы о «женоубийце» «Ревность», первой пьесы «модного» и скандального М. П. Арцыбашева. Выявляются причины популярности представленной в «Ревности» упрощенной трактовки философских идей Ф. Ницше, повлиявших на разработку проблемы пола и формирование эпатажно-распущенного образа «новой» женщины-самки в массовом общественном сознании. Приводится обзор 12 постановок драмы, проходивших с неизменными аншлагами в ноябре–декабре 1913 г. в Городском театре Саратова. Большое внимание уделяется диспуту местной интеллигенции на тему «Женщины и ревность» и вызвавшему широкий резонанс в прессе общественному суду, в ходе которого муж был оправдан в убийстве жены, а открыто флиртовавшая с другими мужчинами жена была признана виновной «в предосудительном поведении». Особо выделяется выступление единственной принимавшей участие в диспуте женщины – учительницы Саратовских женских повторительных классов А. И. Лельковой. Описывается реакция саратовской прессы на лекции приезжих москвичей («О женской свободе и мужском рабстве» Н. Я. Абрамовича и «Женщина пред судом современной литературы» С. Глаголя). Отдельно рассматриваются напечатанные в газетах Саратова пародии на «Ревность», которые свидетельствуют об огромной популярности пьесы Арцыбашева. В ходе исследования установлено, что рецензенты саратовских газет пытались объяснить популярность «Ревности» как с точки зрения художественной ценности произведения (сравнение с «Крейцеровой сонатой» Л. Н. Толстого, драмами Л. Н. Андреева), так и в связи с поднимаемыми в пьесе социальными вопросами (права и положение женщин в семье и обществе, абьюзивные отношения, домашнее насилие). Сотрудники газеты «Саратовский листок» отзывались о «Ревности» в целом благосклонно, иногда восторженно, в то время как в «Саратовском вестнике» приводились в основном негативные, саркастические отклики.

Ключевые слова: Арцыбашев, «Ревность», Саратов, «Саратовский листок», «Саратовский вестник», гендерные исследования, серебряный век

Для цитирования: Ромайкина Ю. С. Полемика саратовской общественности вокруг пьесы М. П. Арцыбашева «Ревность» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 55–61. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-55-61>, EDN: BSJMXQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Dispute over M. P. Artsybashev's play *Jealousy* in Saratov community

Yu. S. Romaykina

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russia

Yulia S. Romaykina, orel-55555@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0086-7993>

Abstract. Based on the material published in newspapers *Saratovskiy Listok* (*Saratov Leaflet*) and *Saratovskiy Vestnik* (*Saratov Herald*) the article analyzes the dispute in Saratov community over a provocative drama about a “wife killer” *Jealousy* – the first play written by a fashionable and scandalous author, M. P. Artsybashev. The reasons for the popularity of the play’s simplified interpretation of F. Nietzsche’s ideas that influenced the development of gender issues and shaped the shocking libertine image of a “new” female predator in public consciousness are revealed. The article observes 12 invariably full-house performances that were staged in November and December of 1913 in the City Theatre of Saratov. Much attention is paid to the dispute held by Saratov intellectuals on the topic of “women and jealousy” and to a mock public trial that had caused a wide publicity; in the course of this trial the husband who had murdered his wife was acquitted and the wife who had flirted openly with other men was found guilty of “reprehensible conduct”. The speech of the only female speaker taking part in the dispute – a teacher of Saratov refresher courses for women by A. I. Lelkova – stands out. The reaction of Saratov press to the lectures of Moscow speakers (*About Women’s Freedom and Men’s Slavery* by N. Ya. Abramovich and *The Woman Judged by Modern Literature* by S. Glagol’) is described. Parodies on *Jealousy* published in the newspapers of Saratov and therefore indicating the popularity of Artsybashev’s play are also discussed. The study concludes that the reviewers of Saratov newspapers were trying to explain the popularity of *Jealousy* both in terms of its artistic value (in comparison with L. N. Tolstoy’s *The*

Kreutzer Sonata and L. N. Andreyev's dramas) and from the perspective of social issues reflected in the play (women's rights and social status in the family and society, abusive relationships, domestic violence). The reviewers of *Saratovskiy Listok* gave overall favorable and sometimes rapturous responses to *Jealousy*, while *Saratovskiy Vestnik* printed in general negative, sarcastic reviews.

Keywords: Artsybashev, *Jealousy*, Saratov, *Saratovskiy Listok*, *Saratovskiy Vestnik*, gender studies, Silver Age

For citation: Romaykina Yu. S. Dispute over M. P. Artsybashev's play *Jealousy* in Saratov community. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 55–61 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-55-61>, EDN: BSJMXQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Скандалная репутация «модного» писателя Серебряного века М. П. Арцыбашева широко освещалась не только в столичной, но и в провинциальной прессе. В частности, в газетах «Саратовский листок» и «Саратовский вестник» отмечались популярность автора и влияние его произведений на упаднические умонастроения современников (например, эпидемия самоубийств среди молодежи связывалась с романом «У последней черты»); сообщались подробности судебных дел, обвиняющих Арцыбашева в порнографии (см.: [1]).

В газете «Саратовский листок» талант Арцыбашева и художественная ценность его произведений не ставились под сомнение: Арцыбашев, писатель «упорядоченный, определенный и ясный» [2], считался «законодателем литературных вкусов» [3].

Сотрудники же «Саратовского вестника» относились к творчеству писателя скептически, называя его талант «упадочным» [4, с. 5].

Первая пьеса Арцыбашева «Ревность» была напечатана в тринадцатом выпуске литературного сборника «Земля» в 1913 г. Она является переделкой ранее опубликованного в одиннадцатом альманахе «Земля» (1913) рассказа «О ревности». Рассказ «О ревности» получил холодные отклики в прессе, пьеса же, в которой муж душист откровенно флиртующую с другими мужчинами жену, имела ошеломительный успех. А. И. Гараев в своей кандидатской диссертации об Арцыбашеве объясняет подобный парадокс пониманием того, «что то, что уже не может шокировать в виде текста, вполне может оказать сильное эмоциональное воздействие визуально» [5, с. 126].

Действительно, в пьесе присутствуют довольно откровенные сцены и диалоги. Апогеем щекочущего нервы визуального ряда является последнее, пятое, действие, в начале которого Елена Николаевна предстает в домашнем костюме с полубогаженной грудью в присутствии лакея. Неожиданно вернувшийся муж застаёт ее с кавказским князем Дарбельяни. Финальный эпизод удушения тоже происходит прямо на сцене: «Елена Николаевна начинает хрипеть, заглушенно стонет и затихает в мелкой дрожи» [6, с. 225].

Откровенно провокационны и мизогинны основные идеи пьесы: представления о женщине-самке («Ей льстит, когда ее “хотят”!..» [6, с. 28]); рассуждения о присущей женщине «особой половой лжи» («Женщина же именно из чужих объятий придет особенно страстная, любящая, нежная...» [6, с. 32]); признание несомненного интеллектуального превосходства мужчины над женщиной («Женщина не только не может быть Лаурой, она и придумать эту Лауру не в состоянии» [6, с. 28]). Женские персонажи в пьесе, с одной стороны, разделяют мнение о себе мужчин («До сих пор женщина еще ни одной самостоятельной мыслишки не выдумала, где же ей бороться с вами!..» [6, с. 19]), но вместе с тем подчеркивают существующее социальное и экономическое неравенство и высказывают интересное предположение о будущем женского движения: «Когда-нибудь, лет через триста, когда вся жизнь изменится и женщина станет совсем другой, тогда, может быть, и она найдет свое собственное дело и мужчины станут на нее смотреть иначе, а теперь...» [6, с. 19].

Появление в андроцентричном обществе начала XX в. представлений о «ложной женственности», «идеале содомском», «Софии падшей» и формирование, по характеристике К. Эконен, «образа “падшей”, активной, угрожающей и сексуальной женщины, *femme fatale*» [7, с. 59] связано с именами О. Вейнингера, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше. О. В. Рябов отмечает, что как для философии, так и для массового сознания Серебряного века характерно противопоставление мужского аполлоновского начала инициативы, власти, разума, культуры, справедливости и женского дионисийского начала пассивности, подчинения, инстинктивности, бессознательного [8, с. 29–30]. Таким образом, женщина считалась носителем половой стихии, ведь «у женщины нет ничего не сексуального...» [8, с. 63].

Рецензент газеты «Новое время» А. А. Бурнакин отмечал происходившую в современной ему литературе «вульгаризацию женственности»: «Женщина развенчана, низвержена в грязь и рабство, придушена похотью и цинизмом» [9]. Литературные критики Серебряного века отмечали представленную в текстах Арцыбашева упро-

ценную трактовку философских идей Ф. Ницше, повлиявшую на формирование эпатажно-распущенного образа «новой женщины» в массовом общественном сознании: «...все женщины его [Арцыбашева] различны только пока одеты, и все половые отношения – в большинстве случаев сводящиеся к изнасилованию – отвратительно похожи одно на другое [10, с. 123]. В. Г. Голиков называл разрабатываемую Арцыбашевым тему женской измены *idée fixe* писателя, «пунктом его помешательства» [11, с. 369].

Еще до постановки «Ревности» в Саратове интерес к пьесе в местной прессе подогревался обсуждением скандалов, происходивших во время спектаклей в столичных и провинциальных театрах. В середине октября 1913 г. газеты Саратова писали о беспорядках во время финальной сцены «Ревности» в театре Незлобина в Москве: «С верхов послышались свистки. Партер начал аплодировать. <...> Когда по окончании спектакля, Арцыбашев опять вышел на вызовы части публики, – его освистали. Составлено несколько протоколов» [12]. Сообщалось и об «инциденте» на представлении «Ревности» в Русском театре в Одессе: артист из труппы театра, законспирировавшийся с помощью накладной бороды, выкрикивал из зала «Женщины, протестуйте!» и «Женщины, уходите из театра!» [13].

Первое представление «Ревности» в Городском театре Саратова состоялось 5 ноября 1913 г. Спектакль прошел при переполненном зрительном зале, с полным сбором, «на кассе висел аншлаг: “Все билеты проданы”» [14].

«Саратовский листок» дал положительную оценку постановке: «Пьеса сыграна стройно. Большая сильно-драматическая сцена последнего акта проведена гг. Самборской и Кривцовым с большой экспрессией и произвела глубокое впечатление» [14]. Рецензент же «Саратовского вестника» Н. М. Архангельский отмечал, что «со сцены произведение г. Арцыбашева кажется еще более пошлым, еще более грубым, чем в чтении – и это несмотря на явное стремление актеров смягчить кричащие краски пьесы» [4, с. 4].

Всего за ноябрь и декабрь 1913 г. в Саратове «Ревность» была сыграна 12 раз, причем с неизменными аншлагами и полным кассовым сбором. Зачастую в газетах сообщалось о замене других спектаклей дополнительной постановкой «Ревности»: «Вчера в городском театре “Ревность” прошла с аншлагом, многие не могли попасть в театр. В субботу вместо “Лабиринта” ставится

“Ревность”» [15]; «Седьмое представление “Ревности” в Городском театре дало почти полный сбор. Пьеса г. Арцыбашева назначена к повторению в воскресенье» [16].

Саратов попал в волну прокатившихся по разным городам России гласных общественных судов над главными героями пьесы Арцыбашева (см.: [17]). Саратовские газеты сообщали подробности прошедшего 9 ноября в литературно-художественном кружке в Москве суда над Сергеем Петровичем. «Саратовский листок» приводил пофамильный перечень судей и участников «судебного заседания», писал о том, что «часть сбора поступила в пользу Яковлевского исправительного приюта для преступных девочек» [18]. «Саратовский вестник» оглашал вердикт москвичей: «Совещание присяжных продолжалось всего несколько минут, и они признали С. П. Ратова невиновным. Из 15 присяжных заседателей 8 были за оправдание и 6 – за обвинение. Среди присяжных были 6 женщин. Их голоса разбились поровну» [19].

20 ноября в Городском театре Саратова общественный суд над Сергеем Петровичем предварялся диспутом на тему «Женщины и ревность». Диспут организовал режиссер Городского театра, поставивший «Ревность» в Саратове, В. К. Висковский. За две недели перед диспутом саратовские газеты призывали лиц, желавших принять участие в дебатах, предоставить в кассу театра свои фамилии, адреса и краткий конспект речей. Эти сведения печатались по мере поступления в последующих номерах «Саратовского листка».

Диспут собрал полный зал, была занята даже часть сцены. «Саратовский листок» отмечал, что «диспут заинтересовал и даже взвинтил публику» [20]. «Саратовский вестник» писал о хлопанье, свисте, «взрывах мужских и женских голосов» во время выступления ораторов [21].

Издатель «Саратовского листка» К. К. Сараханов сочувствовал речи выступавшего в роли обвинителя героини пьесы режиссера В. К. Висковского, соглашаясь с тем, что «Елена Николаевна, вечно играя в любовные приключения, сама себя довела до трагического конца» [20]. Рецензент «Саратовского вестника» под псевдонимом Референт возмущался выводам, к которым пришел В. К. Висковский: «В результате – подсудимая “самый опасный, самый страшный тип женщины”»; «Такие, как Е. Н., не имеют права на существование»; «С. Петр. убивает Е. Н. “не в состоянии аффекта, а в сознании своего нравственного на это права мужа”»

[21]. Референт язвительно отмечал, что во время голосования, помимо ответов на задававшиеся вопросы, были опущены в урны и «отдельные мнения». Например, такое: «В. К. Висковский не имел *нравственного права* призывать публику к мокрому делу...» [21].

К. К. Сараханов отмечал, что защитника Елены Николаевны с псевдонимом «Не-он» (С. Т. Григорьев) освистали за попытку сравнения его подзащитной с чеховской героиней [20]. Критик называл «драматический подъем» г. Не-она «неискренним и достаточно театральным» [20]. Референт писал о том, что «красивая по форме» речь Не-она в начале «слушалась внимательно», но защитник дошел до преклонения перед Еленой Николаевной «как перед женщиной, которой “достался на долю тяжелый крест”...» [21]. Рецензент «Саратовского вестника» скорее согласен с мнением выступавшего на диспуте г. Стечкина, который, сравнивая Елену Николаевну с героинями пьес Л. Н. Андреева «Профессор Сторицын» и «Екатерина Ивановна», пришел к следующему заключению: «Это самые обыкновенные женщины. Неужели же их кто-нибудь имеет *нравственное право* убивать? Это какая-то папуасская мораль» [21].

И К. К. Сараханов, и Референт высоко оценили выступление единственной женщины, участвовавшей в диспуте, – учительницы Саратовских женских повторительных классов А. И. Лельковой, которая проводила параллели между «Ревностью» и «Крейцеровой сонатой» Л. Н. Толстого, говоря, что «корень зла» обеих трагедий – во взаимном непонимании между чужими друг другу мужчиной и женщиной. А. И. Лелькова также считала, что пороки Елены Николаевны происходят от праздности, и выражала надежду на то, что «в будущем, когда женщина завоеует себе равноправие – ее рабство, а с ним рабские и рабовладельческие пороки станут невозможны» [21]. Через четыре дня после диспута, 24 ноября, «Саратовский листок» опубликовал заметку А. И. Лельковой под названием «Взаимное непонимание» – расширенный вариант ее тезисов [22].

После диспута было устроено голосование, в результате которого Сергей Петрович 251 голосом против 97 был оправдан и признан совершившим преступление в состоянии аффекта. Также большинством голосов – 283 против 103 – Елена Николаевна была признана виновной «в предосудительном поведении». «За» то, что Сергей Петрович имел *нравственное право* задушить жену, было подано 179

голосов, «против» – 195. Рецензент «Саратовского вестника» под псевдонимом Референт назвал итоги голосования «знаменательными для переживаемого момента» и «жуткими», «ибо если и половина участвовавших в этом “примерном суде” считают, что мужья “имеют *нравственное право*” душить своих жен за неверность, то этого куда как достаточно, чтобы потерять охоту к шуткам» [21].

Продолжением общественных споров на тему, поднятую в драме Арцыбашева, явилось обсуждение публичных лекций приезжих московских лекторов Н. Я. Абрамовича и Сергея Глаголя (С. С. Голоушева).

29 ноября в Саратове в зале Коммерческого клуба состоялась лекция Н. Я. Абрамовича «О женской свободе и мужском рабстве». Сделать вывод об отношении к этому мероприятию рецензентов саратовских газет можно уже исходя из названий их статей: в «Саратовском листке» была опубликована заметка Софии Железняк (С. И. Гржибовской-Железняк) «Спящая душа», в то время как «Саратовский вестник» напечатал фельетон П. Медведева «Курица не птица».

С. И. Железняк восхищалась «углубленным», «философским взглядом на жизнь» Н. Я. Абрамовича: женское движение – это «борьба за право стать точными копиями мужчин», и потому оно тупиково; женщине не нужно уподобляться мужчине, они различаются и физиологически, и психологически; душа женщины – «спящая королева», о которой тоскует мужчина, «о тоске этой говорят все великие произведения искусства» [23].

П. Медведев писал о том, что лекция Н. Я. Абрамовича «прошла с большим шиком», с сарказмом поясняя: «...сплошным шиком на могучий мотив бури на Волге» [24]. Рецензент «Саратовского вестника» язвительно отмечал только одно «красивое место» в речи московского лектора: это когда он замолчал. По мнению П. Медведева, Н. Я. Абрамович причислял женщину, существо чувствующее, но не мыслящее, к высшей категории «с большими оговорками, больше из любезности». Н. Я. Абрамович знает о женщине «со слов Арцыбашева», что «она вся во флирте, в нарядах, в чаду шантанного угара» [24].

Лекция С. Глаголя на тему «Женщина пред судом современной литературы» собрала 12 декабря в зале Коммерческого клуба более 600 человек [25]. С. Глаголь приводил примеры «эмансипированной женщины» в литературе: от Г. Гауптмана, Г. Ибсена, Н. Г. Чернышевского до А. А. Вербицкой и В. К. Винниченко. Под-

робно останавливался на Екатерине Ивановне Л. Н. Андреева и Елене Николаевне Арцыбашева. «Саратовский листок» не отозвался на это событие. «Саратовский вестник» опубликовал заметку рецензента с инициалами В. С., который отмечал общее в героинях проанализированных произведений: они сделали любовь своим оружием. В таком положении, по мнению лектора, и рецензента «Саратовского вестника», виноваты мужчины, и поэтому они должны предоставить женщине экономические свободы: «Пока женщина не будет материально свободна, не будет и ее моральной свободы». В. С. соглашался с С. Глаголем в том, что нужно внушать молодому поколению, что женщина – друг, а не «предмет наслаждений» [26].

В саратовской прессе велась полемика об «арцыбашевской» женщине – собирательном образе, показанном в «Ревности»: наклеветал ли писатель на современную женщину или сказал правду? К. К. Сараханов («Саратовский листок») утверждал, что Арцыбашев не имел в виду всех женщин, он вывел определенный тип – дама «из породы кавказских “курсовых”». У нее нет детей, нет интереса к дому, нет любимого дела. Такие дамы ездят на Кавказ «не для леченья, а для вояжа и флирта». К. К. Сараханов заключил, что «Арцыбашев сказал горькую правду, записанную даже в протоколах полиции городов Кисловодска и Ялты», и поэтому героиню «Ревности» не стоит защищать [2]. Н. М. Архангельский («Саратовский вестник») с помощью цитат из пьесы доказывал, что Арцыбашев изображал «не женщину какого-нибудь определенного круга или хотя бы какого-нибудь известного момента, а женщину вообще – от сотворения мира и донныне...». Арцыбашевская женщина – не человек, а «соблазнительное тело, существующее для того, чтобы лгать, кривляться, а главное – возбуждать в бедных мужчинах вождление. Ни на что другое женщина не годится» [27].

Достойны отдельного рассмотрения напечатанные в «Саратовском вестнике» две пародии на драму Арцыбашева. В «маленьком фельетоне» «Ревность» г. Диеза «модный лектор» Сергей Петрович убивает свою жену Логику. Рассмотрим концовку фельетона:

Лектор (*Яростно*). Ага!
Ты изменила мне... Ну ладно!..
Я не хочу решать проблем,
Хотя и лекции читаю,
К чему нам логика? Зачем?..

Логика (*тихо*). Ох, задыхаюсь...
Умираю...

Лектор (*приканчивая ее*). Кто в силах сложность всех натур
Лауры, Майи, Беатриче
Понять и описать...

Публика (*хватаясь за голову*).
Сумбур!

Паштет из футуристской дичи!..

Одно лишь видно по всему:
Мы так отстали от столицы,
Что даже не поймем, к чему
Летят к нам в гости эти птицы...
Зачем весь этот шум и крик?
Чего он хочет? – Неизвестно...

Софья Железняк (*томно закатывая
глазки*).

Пассаж... столица... «венский шик»...

Совсем философ он!.. Прелестно!..

[28].

Видим, что в последних строчках делается намек на слишком, по мнению г. Диеза, восторженные отзывы на речи московских лекторов рецензента «Саратовского листка» Софии Железняк [28].

В другой пародии – «фарсе в одном действии» под названием «Ревность», написанном рецензентом «Саратовского вестника» Ф. Ф. Воскресенским, представлены предоставивший жене абсолютную свободу Иван Петрович и запутавшаяся в ухажерах супруга Елена Львовна. По сюжету к Ивану Петровичу обращается давно живущая отдельно своей жизнью жена с просьбой спасти ее от старого любовника, который ревнует Елену Львовну к новому любовнику. В доме главного героя разыгрывается сцена, в которой он мечется между двух огней, предотвращая убийство. В финале фарса после ухода «гостей» Иван Петрович поясняет тремор рук: «Реакция... <...> Эти благородные олени прекрасно дрались, но они несколько утомили меня» [29].

Один из самых известных саратовских фельетонистов, рецензент «Саратовского листка» С. С. Гусев под псевдонимом Слово-Глаголь писал о «милом дамском щебетанье» в журнале «Заря», рассуждениях московских писательниц и актрис о том, что «дни ревности сочтены» и это понятие исчезнет «с поднятием и развитием культуры», а буквально послезавтра «ревнивцев будут показывать в зверинцах или заспиртованными в музеях патологии» [30]. В конце фельетона Слово-Глаголь как бы невзначай делает убийственно-саркастическую ремарку:

«Излишне прибавлять, что дамская анкета сопровождается изображением дамских личек с глазками стреляющими, опущенными, задумчивыми, манящими. Великолепные шляпы. Самые последние прически. Обворожительные декольте» [30].

Выход пьесы Арцыбашева «Ревность» на сцене Саратовского театра, как и спектакли в других городах, сопровождался активной рекламной кампанией – постоянными упоминаниями в прессе. Анонимный рецензент «Саратовского вестника» отмечал парадокс: чем яростнее ругают «Ревность», тем выше «настраиваются этажи» ее «курьезной славы», обеспечивая автору материальный успех [31, с. 2]. «Саратовский вестник» также анонсировал выход продолжения первой пьесы Арцыбашева. Новая драма, тесно связанная с «сенсационной пьесой сезона», должна была быть посвящена второстепенной героине «Ревности» – молодой невинной девушке Соне. Подобная пьеса так и не вышла в свет. Стоит также отметить, что заметки из криминальной хроники об убийствах женщин мужьями или любовниками в саратовской прессе предварялись подзаголовком «“Ревность” в жизни» [32].

Занимая срединное положение между литераторами первого ряда и создателями бульварного чтива, скандальный беллетрист Арцыбашев являлся камертоном эпохи, транслировал массовому читателю и зрителю модные и эпатажные социальные и философские идеи Серебряного века. Поднятая в пьесе «Ревность» тема границ раскрепощения «новой» женщины и постановка проблемы пола взбудоражили саратовскую общественность, попали в ее нерв, вызвали бурную полемику: общественный суд над героями драмы, диспут на тему «Женщины и ревность», обсуждение выступлений приезжих лекторов. Рецензенты саратовских газет пытались объяснить популярность «Ревности» как с точки зрения художественной ценности произведения (сравнение с «Крейцеровой сонатой» Л. Н. Толстого, драмами Л. Н. Андреева), так и в связи с поднимаемыми в пьесе социальными вопросами (права и положение женщин в семье и обществе, абьюзивные отношения, домашнее насилие). Интересно, что сотрудники газеты «Саратовский листок» (К. К. Сараханов, С. И. Железняк, А. И. Лелькова, корреспонденты под псевдонимами Слово-Глаголь, Референт, Свой) отзывались о «Ревности» в целом благосклонно, иногда восторженно, в то время как в «Саратовском вестнике» (Н. М. Архангельский,

П. Медведев, Ф. Ф. Воскресенский) приводились в основном негативные, зачастую саркастические отклики. Пародии свидетельствуют об огромной популярности первой пьесы Арцыбашева.

Список литературы

1. Оштрафование М. П. Арцыбашева // Саратовский листок. 1911. 8 мая (№ 101). Отд.: Русские известия. С. 5.
2. Сараханов К. Модные авторы. По поводу «Не убий» Л. Андреева и «Ревности» Арцыбашева // Саратовский листок. 1913. 5 нояб. (№ 242). С. 3.
3. Южанин А. Законодатели литературных вкусов // Саратовский листок. 1911. 8 июля (№ 149). С. 2.
4. Н. А. [Архангельский Н. М.]. Гор. театр // Саратовский вестник. 1913. 7 нояб. (№ 244). Отд.: Театр и искусство. С. 4–5.
5. Гараев А. И. М. П. Арцыбашев: история формирования литературной репутации : дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008. 198 с.
6. Земля. М. : Московское книгоизд-во, 1913. Сб. 13. 298 с.
7. Эконен К. Творец, субъект, женщина : Стратегии письма в русском символизме. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 400 с.
8. Рябов О. В. Женщина и женственность в философии Серебряного века. Иваново : Ивановский гос. ун-т, 1997. 157 с.
9. Бурнакин А. Женофобия // Новое время. 1914. 16 (29) мая (№ 13712). Отд.: Литературные заметки. С. 5.
10. [Б. п.]. «Земля». Сборник четвертый. Московское книгоиздательство. М. 1910. Стр. 368. Ц. 1 р. 50 к. // Русское богатство. 1910. № 11 (нояб.). Отд.: Новые книги. С. 121–126.
11. Голиков В. Г. «Яма» Куприна // Вестник Знания. 1915. № 6 (июнь). Отдел литературы и искусства. Критика. С. 360–369.
12. Скандал из-за «Ревности» // Саратовский листок. 1913. 24 окт. (№ 232). С. 4.
13. Саратовский листок. 1913. 20 нояб. (№ 255). Отд.: Театр. С. 3.
14. Первое представление «Ревности» // Саратовский листок. 1913. 6 нояб. (№ 243). Отд.: Театр. С. 3.
15. Городской театр // Саратовский вестник. 1913. 15 нояб. (№ 251). Отд.: Театр и искусство. С. 3.
16. Саратовский листок. 1913. 29 нояб. (№ 262). Отд.: Театр. С. 3.
17. Петросян Д. В. Отклики литературных судов над произведениями М. Арцыбашева в армянской прессе 1910-х годов // Русская литература и журналистика в движении времени. 2017. № 2. С. 241–251.
18. Суд над женоубийцей // Саратовский листок. 1913. 9 нояб. (№ 246). Отд.: Театр. С. 3.

19. Суд над героями «Ревности» // Саратовский вестник. 1913. 12 нояб. (№ 248). Отд.: Театр и искусство. С. 5.
20. К. С. [Сараханов К. К.]. На диспуте // Саратовский листок. 1913. 21 нояб. (№ 256). С. 5.
21. Референт. Суд над «Ревностью» // Саратовский вестник. 1913. 23 нояб. (№ 257). С. 2.
22. Лелькова А. Взаимное непонимание // Саратовский листок. 1913. 24 нояб. (№ 258). С. 4.
23. Соф. Ж. [Гржибовская-Железняк С. И.]. Спящая душа (Лекция г. Абрамовича) // Саратовский листок. 1913. 30 нояб. (№ 263). С. 3.
24. Медведев П. Курица не птица (По поводу «лекции» Н. Абрамовича) // Саратовский вестник. 1913. 1 дек. (№ 264). С. 4.
25. Лекция Сергея Глаголя // Саратовский вестник. 1913. 14 дек. (№ 274). Отд.: Хроника. С. 3.
26. В. С. «Женщина пред судом современной литературы» (Лекция Сергея Глаголя) // Саратовский вестник. 1913. 15 дек. (№ 275). С. 4.
27. Архангельский Н. «Ревность» или «Пошлость»? (По поводу пьесы М. Арцыбашева «Ревность») // Саратовский вестник. 1913. 5 нояб. (№ 242). С. 2.
28. Диез. Маленький фельетон. Ревность // Саратовский вестник. 1913. 1 дек. (№ 264). С. 4.
29. Воскресенский Ф. Ревность. Фарс в одном действии // Саратовский вестник. 1913. 25 дек. (№ 283). С. 3.
30. Слово-Глаголь [Гусев С. С.]. Со дня на день // Саратовский листок. 1913. 28 нояб. (№ 261). С. 3.
31. Вокруг Арцыбашевской «Ревности» // Саратовский вестник. 1913. 7 нояб. (№ 244). С. 2–3.
32. «Ревность» в жизни // Саратовский листок. 1913. 8 нояб. (№ 245). Отд.: Хроника. С. 3.

Поступила в редакцию 03.06.2023; одобрена после рецензирования 01.09.2023; принята к публикации 10.11.2023
The article was submitted 03.06.2023; approved after reviewing 01.09.2023; accepted for publication 10.11.2023